

Опала Сильвестра и Адашева.

Много спорили и спорятъ донынѣ о характерѣ и роли тѣхъ двухъ лицъ, вліянію и совѣтахъ которыхъ Иванъ, какъ будто, подчинялся нѣкоторое время. И въ дѣятельности, и во взглядахъ Сильвестра съ Адашевымъ можно отмѣтить не мало противорѣчій. Сперва, повидимому, они колебались между двумя враждебными сторонами. Затѣмъ, надо думать, въ нихъ возобладали тѣ склонности, которыя естественно вытекали изъ ихъ происхожденія, идейныхъ симпатій и политическихъ связей. Словомъ, они примкнули къ оппозиціонному лагерю. Здѣсь, въ концѣ-концовъ, они попытались было составить особую избранную группу, въ которой сохраняли за собою руководящее положеніе. Мы знаемъ, что оба эти дѣятеля были предметомъ самой горячей защиты со стороны князя Курбскаго. Это обстоятельство устраняетъ почти всякія сомнѣнія насчетъ дѣйствительной роли Сильвестра и Адашева.

Начиная съ 1551 г. главное совѣщательное учрежденіе государства, боярская дума, дѣйствовало неправильно, съ перерывами; очевидно, оно было отгѣснено на второй планъ тѣмъ личнымъ совѣтомъ царя, существованіе котораго въ эту эпоху было уже мною отмѣчено. Въ исторіи западныхъ монархій можно найти соотвѣтственныя учрежденія. Таковы были *consistorium principis* или *consilium aulicum* въ Германіи, *commune consilium* норманнскихъ королей въ Англіи и, наконецъ, *consilium regium* во Франціи. Адашевъ и Сильвестръ принимали участіе въ этомъ совѣтѣ вмѣстѣ съ Курбскимъ, а также нѣкоторыми другими боярами и представителями духовенства. Курбскій упоминаетъ въ ихъ числѣ митрополита Макарія и трехъ Морозовыхъ—Михаила, Владиміра и Льва. Другіе документы указываютъ еще князей Дмитрія Курлятева и Семена Ростовскаго. Повидимому, до самой Ливонской войны Сильвестръ занималъ въ совѣтѣ, если не совершенно исключительное, то, во всякомъ случаѣ, преобладающее положеніе. Мы знаемъ, что направленіе Сильвестра было чисто-церковнымъ. Намъ извѣстны его властный характеръ и мелочный педантизмъ. Въ соединеніи съ качествами ловкаго и тонкаго царедворца, сказывающимися въ Домостроѣ, всѣ эти данныя сообщали Сильвестру извѣстное обаяніе въ глазахъ молодого государя. Надо помнить, что Иванъ былъ глубоко религіозенъ и еще недостаточно увѣренъ въ самомъ себѣ. Въ 1553 году, однако, началось первое охлажденіе между наставникомъ и его ученикомъ. Иванъ тяжело заболѣлъ. Опасаясь конца, онъ, естественно, озаботился назначеніемъ себѣ наслѣдника. Наслѣдованіе престола по порядку первородства установилось еще, сравнительно, недавно. Поэтому царь счелъ за лучшее привести своихъ подданныхъ къ присягѣ малолѣтнему сыну, Дмитрію. Но тутъ выступилъ двоюродный братъ царя, князь Владиміръ Андреевичъ. Онъ заявилъ свои права на московскій престолъ. То было возвращеніемъ къ старому порядку, когда дядя имѣли преимущество предъ племянниками въ наслѣдственныхъ правахъ. Легко представить себѣ, какъ взволновался и разгнѣвался больной государь, когда, на глазахъ его, большинство бояръ примкнуло къ Владиміру Андреевичу, открыто поддерживая его притязанія! Какіе мотивы руководили ими? Конечно, прежде всего привязанность къ прошлому. Но еще больше, пожалуй, сказывалась тутъ оскорбленная гордость этой знати передъ лицомъ тѣхъ родственниковъ молодого царевича съ материнской стороны, которымъ они должны были служить отнынѣ. Само по себѣ, царство-

ваніе дитяти улыбалось боярамъ: оно надолго обезпечивало олигархическое господство. Но чѣ? Въ правленіе Елены Глинской изъ-за власти спорили Шуйскіе съ Бѣльскими. Но тѣ, по крайней мѣрѣ, были потомками древнихъ князей. Теперь наступала очередь самыхъ обыкновенныхъ выскочекъ... И вотъ, у самаго ложа, гдѣ мучился царь въ ожиданіи конца, его вельможи упорно отказывались ему повиноваться. «Не хотимъ цѣловать крестъ Захарьинымъ!» Между тѣмъ, Владиміръ съ матерью не теряли времени. Чтобы возбудить рвеніе своихъ сторонниковъ, они раздавали деньги и обѣщали всевозможныя милости. Сами Захарьины, повидимому, оробѣли: было ясно, что они готовы отступить отъ своихъ правъ.

Въ этотъ критическій моментъ взоры Ивана, естественно, обратить на Сильвестра и Адашева. Онъ надѣялся, что они безъ колебаній выступятъ для того, чтобы всѣмъ своимъ авторитетомъ поддержать слабѣйшую сторону законнаго наслѣдника престола. Но Ивану суждено было горькое разочарованіе. Только князь Владиміръ Воротынский да дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый проявили несокрушимую преданность и энергію; имъ удалось привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ бояръ. Что касается Сильвестра и Адашева, то они не пошевелили и пальцемъ. Правда, они не отказывались принести присягу Дмитрію. Однако, они сохраняли благоразумный нейтралитетъ, не вмѣшиваясь въ тѣ страстные споры, которые въ самыхъ покояхъ умирающаго нарушали тишину и еще увеличивали страданія Ивана. Отецъ царскаго любимца, окольникій Ѳеодоръ Адашевъ, уже прямо высказывался въ пользу Владиміра. Въ этихъ бурныхъ сценахъ прошелъ цѣлый день. На утро царь почувствовалъ себя легче. Тогда число сторонниковъ Дмитрія сразу увеличилось. Владиміръ Андреевичъ въ безпокойствѣ прибѣжалъ во дворецъ: онъ хотѣлъ было проникнуть въ комнату царя, куда не пожелалъ и заглянуть наканунѣ. Но преданные Ивану бояре задержали его на порогѣ. Только одинъ голосъ раздался въ его защиту, требуя, чтобы Владиміръ Андреевичъ былъ допущенъ къ царю. То былъ голосъ Сильвестра. Мы знаемъ уже, что онъ былъ связанъ съ княземъ старинной дружбой.

Иванъ выздоровѣлъ, но не забылъ пережитаго. Желая выполнить обѣтъ, данный по время болѣзни, онъ отправился вмѣстѣ съ женою и сыномъ въ отдаленный Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. По словамъ Курбскаго, Максимъ Грекъ пытался воспрепятствовать выполненію этого благочестиваго намѣренія. Дѣло въ томъ, что монахи

Кирилло-Бѣлозерской обители были сторонниками Іосифа Волоцкаго. Этого мало. По пути царь долженъ былъ захватить въ Пѣсношскій монастырь на Яхромѣ, гдѣ жилъ одинъ изъ выдающихся представителей того же направленія—Вассіанъ Топорковъ. Онъ заточенъ былъ сюда боярами еще въ 1542 году. Курбскій рассказываетъ, будто Максимъ Грекъ даже предсказалъ Ивану, что сынъ его умретъ на дорогѣ. Это пророчество оправдалось. Быть можетъ, слабый ребенокъ не вынесъ суровой зимы; легко допустить, что онъ сталъ жертвой какой-либо случайности—напримѣръ, утонулъ, какъ рассказываетъ одно преданіе... Во всякомъ случаѣ, царь вернулся съ трупомъ младенца. Но зато онъ свидѣлся съ Топорковымъ и, по словамъ Курбскаго, обратился къ нему за совѣтомъ. Какъ нужно царствовать, чтобы вельможъ своихъ держать въ послушаніи? Вассіанъ прошепталъ въ отвѣтъ: «не держи при себѣ ни одного совѣтника, который бы былъ умнѣ тебя». Собственно говоря, такой совѣтъ граничилъ съ дерзостью. Врядъ ли можно допустить, чтобы Вассіанъ осмѣлился дать его въ подобной формѣ. Впрочемъ, этотъ эпизодъ воспроизводится въ одномъ изъ писемъ Курбскаго къ Грозному, при чемъ царь оставляетъ его безъ возраженія. Можно предположить, слѣдовательно, что въ основѣ его заключается истина. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что послѣ пержитыхъ событій между царемъ и боярами должны были господствовать обоюдное озлобленіе и недовѣріе. Если непокорные вельможи отказались цѣловать крестъ Дмитрію, то ясно, что такимъ образомъ они заявляли протестъ противъ новаго порядка вещей. Въ ихъ глазахъ вступленіе на престолъ малолѣтняго царевича изъ дома Захарьиныхъ освящало собою ненавистный имъ государственный строй.

Въ ближайшіе затѣмъ годы боярская оппозиція еще усилилась. Конечно, открытое сопротивленіе, другими словами, борьба съ оружіемъ въ рукахъ—не имѣло мѣсто за этотъ періодъ. Поэтому нѣкоторые историки и готовы были совершенно отрицать самый фактъ оппозиціи. Очевидно, однако, что они смѣшивали московское царство XVI вѣка съ французской монархіей Людовика XI. Мы знаемъ уже, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ не было твердой организаціи общественныхъ элементовъ. Поэтому борьба имѣла здѣсь совершенно особый характеръ. Она не была коллективной и такимъ образомъ не могла силѣ противопоставить силу. Но, вѣдь, были же тамъ такіе люди, какъ Бѣльскій, которые предлагали свою помощь вѣншнимъ врагамъ государства въ надеждѣ вернуть при ихъ поддержкѣ

свои прежнія, но уже утраченныя права? Были же другіе, которые, подобно Мстиславскому, показывали татарамъ дорогу на Москву? Развѣ не были мятежниками эти перебѣжчики и предатели?

Характерно, что, именно, съ 1554 года эмиграціонное движеніе московскаго боярства принимаетъ угрожающіе размѣры. Въ іюлѣ былъ настигнутъ и схваченъ на дорогѣ въ Литву князь Никита Дмитріевичъ Ростовскій. Обнаружилось, что вся его семья съ обширной родней—Лобановыми, Пріимковыми, вступила въ сношенія съ польскимъ королемъ. Съ точки зрѣнія удѣльно-княжескихъ правъ, въ подобномъ образѣ дѣйствій не было ничего преступнаго. Князь Ростовскій пользовался только исконнымъ правомъ *отъѣзда*. Очевидно, старыя понятія и обычаи сохраняли еще значительную силу: это ясно изъ того, что царь не рѣшился примѣнить къ виновному слишкомъ суровыя мѣры. По настоянію многихъ вліятельныхъ лицъ, Ростовскій былъ, просто, сосланъ въ Вѣлоозеро. Но, разумѣется, царь былъ не очень доволенъ подобнымъ вмѣшательствомъ. А, между тѣмъ, въ числѣ заступниковъ мы опять видимъ Сильвестра!

Вполнѣ вѣроятно, что, именно, съ этого времени, положеніе Сильвестра и Адашева замѣтно поколебалось. Началась Ливонская война—и здѣсь образъ дѣйствій обоихъ этихъ лицъ никакъ не могъ вернуть имъ прежнее вліяніе. Сильвестръ съ Адашевымъ открыто стали на сторону бояръ, которые высказывались противъ этого предпріятія Ивана. Очевидно, московская знать хотѣла избѣгнуть безпокойствъ, связанныхъ съ войною, а также была недовольна отступленіемъ московской внѣшней политики отъ старыхъ традицій. Впрочемъ, до самаго іюля 1560 года, Адашевъ, повидимому, еще игралъ нѣкоторую роль въ дипломатическихъ отношеніяхъ. Но затѣмъ онъ уже удаляется отъ двора и ѣдетъ какъ бы въ почетную ссылку. Другими словами, онъ отправляется въ дѣйствующую ливонскую армію, чтобы занять мѣсто третьяго воеводы большого полка. Одновременно съ этимъ Сильвестръ добровольно удалился въ Вѣлоозерскій монастырь. Какъ извѣстно, эта обитель всегда служила убѣжищемъ для великихъ міра сего, низвергнутыхъ съ высоты. Излагая исторію Ивана Грознаго, Курбскій, очевидно, путаетъ событія и даты: въ его изображеніи опала Сильвестра и Адашева была связана съ болѣзью и смертью царицы Анастасіи. По словамъ Курбскаго, оба царскихъ любимца были обвинены въ отравленіи Анастасіи. Однако, царица заболѣла въ ноябрѣ 1559 года; умерла она лишь десять мѣсяцевъ спустя,—слѣдовательно,

уже послѣ удаленія Адашева и Сильвестра. Помимо того, царица болѣла долго,—что совершенно исключаетъ, повидимому, всякую мысль объ отравленіи. Да, наконецъ, если бы и раскрылось подобное злодѣяніе, разумѣется, виновные понесли бы иное наказаніе. Впрочемъ, послѣ смерти царицы, Сильвестръ съ Адашевымъ были привлечены къ суду. Но немилость никогда не постигаетъ человѣка сразу. По соображеніямъ ли осторожности, или же въ память прежняго своего расположенія къ бывшимъ любимцамъ—но Иванъ не рѣшился вдругъ обрушить на нихъ всю тяжесть своего гнѣва. На этотъ разъ оба они отдѣлались сравнительно, легко. Одинъ былъ сосланъ въ болѣе отдаленный Соловецкій монастырь. Другой заключенъ былъ въ тюрьму, послѣ короткаго пребыванія въ ливонскомъ Феллинѣ: сюда онъ былъ сперва назначенъ воеводой, но, повидимому, не сумѣлъ повести себя съ должною осторожностью. Ясное дѣло, что судьи отвергли обвиненіе въ отравленіи царицы; весьма вѣроятно, что этотъ вопросъ даже и не обсуждался. А, между тѣмъ, судъ того времени былъ не слишкомъ требователенъ по отношенію къ уликамъ. Правда, впоследствии самъ Иванъ упрекалъ своихъ невѣрныхъ друзей въ томъ, что они разлучили его съ возлюбленной его «юницей». Но то говорилось въ припадкахъ изступленія, среди яростныхъ воплей, напоминающихъ ревъ зубра, тоскующаго въ лѣсахъ по своей самѣ. Но и тогда царь призывалъ Сильвестра на судъ божественнаго Агнца: онъ не хотѣлъ, по его словамъ, вступать съ нимъ въ тяжбу здѣсь, на землѣ. Да и въ самыхъ обвиненіяхъ Ивана было слишкомъ много противорѣчій. То онъ утверждалъ, будто его безродные любимцы старались возвысить своихъ клеветовъ изъ московской знати едва ли не на одинъ уровень съ царемъ; то, напротивъ, онъ приписывалъ имъ стремленіе принизить этихъ вельможъ до собственнаго уровня. Порою онъ поносилъ ихъ за то, что они содѣйствовали нѣкоторымъ его преобразованіямъ,—и тутъ же указывалъ на самыя дорогія для него реформы, какъ, напримѣръ, на обращеніе вотчинъ въ помѣстья. Очевидно, что всѣ эти упреки, встрѣчающіеся въ перепискѣ Ивана съ Курбскимъ, являются не болѣе, какъ простымъ полемическимъ приѣмомъ; а мы уже знаемъ, что въ полемикѣ Иванъ никогда не заботился ни о точности выраженій, ни о самой правдѣ. Онъ всячески старался доказать, что въ правленіи его принимали участіе постороннія руки: такимъ образомъ онъ надѣялся уменьшить свою собственную отвѣтственность за то, что происходило въ его царствованіе. Во имя этой

цѣли, Иванъ, нисколько не смущаясь, преувеличивалъ и извращалъ факты. Если вѣрить ему, Сильвестръ съ Адашевымъ держали его всецѣло подъ своею опекою: они даже устанавливали число часовъ, потребныхъ для сна государя! По словамъ Ивана, онъ былъ точно младенецъ, не имѣющій собственной воли. Подчеркивая это, Иванъ тѣмъ самымъ пытался отразить упреки Курбскаго, который жаловался на непомѣрные труды свои, несомые по царскому повелѣнію. Кто могъ такъ распоряжаться Курбскимъ? Развѣ вмѣстѣ съ попомъ и съ Адашевымъ—этимъ псомъ, поднятымъ изъ «гноища», не былъ князь когда-то полновластнымъ государемъ?

Мы знаемъ, что Ливонская война была начата Иваномъ и продолжалась по его желанію вопреки всей «избранной радѣ». Эта война, въ извѣстной мѣрѣ, подтверждаетъ указанія царя. По свидѣтельству Курбскаго, послѣ взятія Казани, всѣ «люди разума» совѣтовали Ивану остаться на нѣкоторое время въ городѣ. Мы знаемъ, однако, что царь принялъ совершенно иное рѣшеніе. Нѣсколько позже, въ 1555 году, тѣ же совѣтники Ивана имѣли уже нѣсколько большій успѣхъ, когда уговаривали государя не бѣжать отъ татаръ. Сопоставляя эти факты, мы ясно видимъ, въ какой мѣрѣ подчинялся царь вліянію своихъ приближенныхъ. Что касается, въ частности, Сильвестра, то его роль опредѣляется еще однимъ указаніемъ: его мы находимъ въ письмѣ самого Благовѣщенскаго протоіерея къ митрополиту Макарію по поводу назначенія одного игумена. Изъ письма видно, что царь поручилъ Сильвестру выяснить достоинства имѣвшихся кандидатовъ. Заключенія Сильвестра по этому дѣлу были изложены въ особомъ докладѣ. Однако, царя не было въ Москвѣ: поэтому все дѣло оставалось безъ движенія.

Съ того самаго дня, когда Сильвестръ и Адашевъ отказались выступить на защиту Дмитрія, они уже не могли пользоваться расположеніемъ царицы Анастасіи. Вполнѣ возможно, что преждевременная смерть молодой государыни оказала свое вліяніе на ихъ судьбу. Можно допустить также, что паденіе обоихъ любимцевъ было ускорено какимъ-нибудь другимъ событіемъ, которое намъ, однако, неизвѣстно. Вообще, весь этотъ періодъ царствованія остается довольно темнымъ.

Послѣдніе годы жизни Сильвестра также покрыты мракомъ. Черезъ два года по заключеніи въ тюрьму Адашевъ умеръ. «Если бы вы не отняли у меня мою юницу», повторялъ Иванъ, —«то Кроновыхъ жертвъ и не было бы...» Нужно запомнить это характерное призна-

ніе. Курбскій рассказываетъ объ одной вдовѣ польскаго происхожденія, Маріи Магдалинѣ: ее обвинили въ преступныхъ сношеніяхъ съ Адашевымъ; вмѣстѣ съ пятью сыновьями она была предана смерти. Одновременно съ этимъ подверглись казни нѣсколько родственниковъ бывшаго любимца: таковы были его братъ Даніилъ съ двадцатилѣтнимъ сыномъ и съ тестемъ своимъ, Туровымъ. Съ ними погибли и трое братьевъ Сатиныхъ, сестра которыхъ была замужемъ за Алексѣемъ Адашевымъ; кромѣ нихъ, были и еще другія жертвы. Словомъ, было пролито не мало крови. Иванъ начиналъ уже проводить свою систему массовыхъ казней. Онъ истреблялъ своихъ враговъ цѣлыми семьями, и красный потокъ, заструившійся въ это время, долженъ былъ литься еще много лѣтъ. Правда, жестокость была, вообще, свойственна нравамъ той эпохи, даже на Западѣ. Стоитъ вспомнить только кровавыя гекатомбы Генриха VIII и Елисаветы, Филиппа II и Карла IX... Но въ казняхъ Ивана сказывались порывы его бурнаго темперамента и причуды полуазиатскаго деспота. Курбскій рассказываетъ, что въ эту пору царствованія нѣкій князь, Михаилъ Рѣпининъ, былъ приглашенъ на пиръ во дворецъ. Здѣсь онъ отказался дѣлить общее веселіе: когда ему хотѣли надѣть личину, онъ сорвалъ ее съ себя и растопталъ ногами. Нѣсколько дней спустя, по приказанію царя, князь былъ убитъ въ церкви во время чтенія евангелія. Такая же судьба постигла и князя Юрія Кашина. Собственно говоря, Иванъ не отрицалъ самихъ фактовъ; онъ только утверждалъ, что не осквернялъ никогда Вожьяго храма. По свидѣтельству Гваньино въ ту же пору погибъ другой представитель высшей знати, именно, молодой князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ. Онъ повздорилъ съ новымъ любимцемъ царя, молодымъ Ѳеодоромъ Васмановымъ, которому онъ бросилъ въ лицо оскорбительный упрекъ: «Предки мои и я служили всегда съ пользою государю», воскликнулъ онъ, «а ты служишь ему гнусною содоміей...» Однако, въ данномъ случаѣ, показанія итальянскаго свидѣтеля расходятся со свидѣтельствомъ Курбскаго. Это опять предостерегаетъ насъ противъ излишняго довѣрія къ рассказамъ московскаго изгнанника. Какъ извѣстно, опала Сильвестра и Адашева распространилась и на ихъ друзей. Таковы были князь Дмитрій Курлята и другіе, менѣе знатные представители той же группы. Ихъ казнили и ссылали цѣлыми десятками. Въ ихъ числѣ Курбскій упоминаетъ и князя Михаила Воротынскаго. Сперва онъ былъ сосланъ въ Вѣлоозеро въ 1559 году; въ 1564 году его вызвали оттуда, но скорѣ

опять отправили на старое мѣсто. Курбскій рассказываетъ, что этотъ вельможа, доблестный воинъ, прославленный во многихъ битвахъ, былъ подвергнутъ пыткамъ при допросѣ. Въ присутствіи Ивана князя Воротынскаго жгли на медленномъ огнѣ; при этомъ самъ царь пригребалъ своимъ посохомъ горящіе уголья къ тѣлу несчастнаго. Послѣ этого князь Воротынскій, будто бы, умеръ на дорогѣ въ Бѣлоозеро. Такъ передаетъ дѣло Курбскій. Между тѣмъ, въ нашихъ рукахъ находятся официальные документы, относящіеся къ первой ссылке князя Воротынскаго. Изъ нихъ можно видѣть, что этотъ заточникъ жилъ въ довольно комфортабельной обстановкѣ. Онъ жалуется, на примѣръ, что ему не присылаютъ рейнскихъ и французскихъ винъ, которыя полагаются ему по праву. Онъ требуетъ себѣ всевозможныхъ припасовъ—свѣжей рыбы, изюму, лимоновъ, чернослива. Все это нужно для него самого, для его семьи и двѣнадцати слугъ, которые, какъ и онъ, содержатся на счетъ государства. Такимъ образомъ, заключеніе Воротынскаго очень мало напоминало собою адскія муки. Мы видимъ, какъ человѣчно обходилось правительство Ивана съ подобными людьми; возможно ли допустить, чтобы до ссылки ихъ подвергали такимъ страшнымъ мученіямъ? (Акты Историческіе, 1841, I, № 174).

Съ дѣломъ Сильвестра и Адашева было связано много процессовъ. Тѣ достовѣрные документы, которые относятся къ нимъ, рѣшительно не говорятъ—ни о пыткахъ, ни о казняхъ. Главнымъ мотивомъ обвиненія противъ того или другого лица служить здѣсь, обыкновенно, попытка его къ «отъѣзду». Дѣло неизмѣнно кончается принятіемъ нѣкоторыхъ предупредительныхъ мѣръ. Обвиняемый признается оправданнымъ или милуется государемъ: при этомъ онъ только обязуется не покидать отечества и представить поручителей. Такъ было съ княземъ Василиемъ Михайловичемъ Глинскимъ въ 1561 году. Тѣмъ же самымъ закончилось въ слѣдующемъ году дѣло князя Ивана Дмитріевича Вѣльскаго: ему пришлось представить письменное поручительство 29-ти знатныхъ лицъ, за которыхъ въ свою очередь ручались еще 120 другихъ.

Легко замѣтить, что въ подобномъ разбирательствѣ дѣлъ объ «отъѣздахъ» заключалось скрытое признаніе стариннаго права, на которое могли ссылаться обвиняемые. Въ самомъ дѣлѣ, въ принципѣ, это право оставалось какъ бы нерушимымъ. Имъ пользовались когда-то еще въ удѣльной Руси; конечно, въ единой московской державѣ

оно утрачивало всякій смыслъ. Тѣмъ не менѣе, оно продолжало существовать, являясь аналогіей той свободы, которую сохраняли крестьяне, вѣчно переходившіе съ мѣста на мѣсто. Впрочемъ, съ XV вѣка стало развиваться болѣе широкое эмиграціонное движеніе, которое увлекало уже всѣ классы общества. Это движеніе происходило въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: оно шло изъ Московскаго государства въ Польшу и обратно.

Дворъ царя Ивана кишѣлъ потомками Гедемина. Съ другой стороны, при варшавскомъ дворѣ былъ цѣлый легіонъ всевозможныхъ Рюриковичей. Какъ извѣстно, женою князя Ольгерда была тверская княжна. Такимъ образомъ множество польскихъ семействъ, происходившихъ отъ этого литовскаго князя, было связано узами родства съ извѣстными русскими домами. Предки князей Одоевскихъ, Бѣльскихъ, Воротынскихъ какъ бы дѣлились между обоими государствами: одни изъ нихъ служили Казимиру польскому, другіе Ивану III московскому. Мстиславскіе выѣхали изъ Литвы только въ 1526 году. На ихъ мѣсто водворились Чарторижскіе, одинъ изъ родичей которыхъ былъ когда-то намѣстникомъ псковскимъ. Въ 1521 году въ Литву бѣжалъ послѣдній князь Рязанскій. За нимъ слѣдовали представители знатнѣйшихъ московскихъ родовъ: въ ихъ числѣ мы находимъ Бѣльскаго, Ляцкаго, Вишневецкаго и Шереметева.

Это эмиграціонное движеніе все продолжалось, и самъ Грозный колебался нѣкоторое время принять противъ него какія-либо рѣшительныя мѣры. Какъ сказано, князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій былъ отпущенъ Иваномъ на поруки. Однако, онъ скоро опять возобновилъ свою попытку бѣжать. Царь простилъ его и на этотъ разъ. Въ 1564 году Иванъ Васильевичъ Шереметевъ пытался сдѣлать то же самое, что и Бѣльскій. Курбскій увѣряетъ, что за это его подвергли пыткамъ и заковали въ самыя тяжелыя оковы. Мало того. Царь, будто бы, наказалъ его въ лицѣ его брата, Никиты, который былъ задушенъ по повелѣнію Ивана. Однако, мы ничего не знаемъ объ этомъ Никитѣ. Зато, съ другой стороны, нѣкоторое время спустя мы видимъ, что Иванъ Васильевичъ попрежнему исполняетъ всѣ свои служебныя обязанности. Только много лѣтъ послѣ этого онъ былъ, дѣйствительно, сосланъ въ Бѣлоозеро. Но и здѣсь, повидимому, онъ устроился довольно комфортабельно.

Всѣ эти подробности необходимы для того, чтобы понять одинъ эпизодъ, совершенно тождественный по существу съ выше приведен-

ными случаями. Исключительная важность этого эпизода зависѣла только отъ того, что героемъ его явилась не совсѣмъ дюжинная личность.
